

старший преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

***Аннотация:** В статье рассматриваются понятие и признаки злоупотребления процессуальными правами в гражданском судопроизводстве, а также генезис его отражения в дореволюционном законодательстве России. Дается классификация видов злоупотребления процессуальными правами, характеристика нормативно закрепленных способов предупреждения и пресечения этого поведения.*

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, дореволюционное законодательство, злоупотребление процессуальными правами, способы предупреждения, способы пресечения.

THE ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS IN CIVIL PROCEEDINGS OF RUSSIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

***Abstract:** The article deals with the concept and characteristics of abuse of procedural rights in civil proceedings and the genesis of its reflection in the Russian pre-revolutionary legislation. The author gives classification of the kinds of abuse of procedural rights, characterizes normatively fixed measures to prevent and suppress this behavior.*

Keywords: civil proceedings, pre-revolutionary legislation, abuse of procedural rights, measures to prevent, measures to suppress.

История отечественного законодательства знакома с таким правовым явлением как злоупотребление процессуальными правами. Истоки появления данного феномена были непосредственно связаны с развитием идей о субъективном праве, пределах его осуществления, границах свободы личности, степени вмешательства в нее государства, а также с особенностями судостройства и судопроизводства.

Во времена Русской Правды уголовный и гражданский процессы не были отделены друг от друга, судопроизводство находилось в стадии формирования,

а любое дело называлось «тяжбой» или «тяжею» [1, с. 23]. Права личности были довольно обширны, поскольку именно от усмотрения сторон без всякого участия государственных органов зависело возникновение, направление и прекращение дела. Обе стороны именовались «истцами» (ст. 17 Русской Правды), что свидетельствовало об их равном процессуальном положении и отсутствии каких-либо преимуществ. Основанием для начала судебного производства являлась подача иска стороной, чьи права были нарушены. Истец был свободен в выборе способа отстаивания собственных интересов, кроме того, в некоторых случаях допускалось предъявление даже необоснованных требований к противоположной стороне: «если иск будет касаться большей суммы, то истцу следует сказать: «сам виноват, что не выставил послухов при отдаче денег взаймы» (ст. 52 Русской Правды). Исключение из общего принципа индивидуальной свободы частных лиц в процессе составляло правило о том, что в ходе преследования лица, совершившего преступное деяние, обиженный не мог причинить обидчику произвольного зла [2, с. 4].

Первые запреты недобросовестного поведения сторонами процесса и санкции за его совершение нашли свое закрепление в нормативных актах XV-XVI вв., посвященных вопросам судоустройства и судопроизводства. Так, в Судебной Новгородской грамоте [3] (XV в.) устанавливалась недопустимость подачи необоснованного, вздорного требования, основанного на ложных сведениях: «а истцу на истца наводки не наводить/клеветать, а также ни на владычного наместника, ни на посадника, ни на тысяцкого, а также других судей и докладчиков» (ст. 6).

В качестве меры предупреждения подачи необоснованных исков предусматривалась присяга: в начале процесса истец обязан был подтвердить присягой то, что «он по правде ищет», а ответчик, отрицающий иск, присягал в том, что «он по правде отрицает» (ст. 13,14, 27). Уклонение от присяги являлось основанием для признания стороны виновной (ст. 15). Мерами ответственности за подачу необоснованного иска являлись: 1) обязанность лица уплатить не

только судебные пошлины, но и все убытки, причиненные тяжбою его противнику (ст. 7); 2) обязательство уплатить денежный штраф: для виноватого боярина – 50 рублей; для житего (землевладельца) - 20 рублей; для молодого человека – 10 рублей (ст. 6).

Судебник 1550 года [3] ввел новое основание для признания иска необоснованным: несоразмерность требований «размеру своих животов и промыслу», т.е. количеству его ценностей, имущества, доходов и суммы уплачиваемой им царской подати. В этом случае истец лишался своего права на иск, обязан был выплатить судебные пошлины, и мог быть обвинен в ябедничестве (ст. 72). В ст. 72 Судебника 1550 г. закреплялось, что данные о животах и промыслах содержались в окладных – розметных книгах, обязанность по составлению которых лежала на местной администрации. Для определения правомерности иска в волостях, где отсутствовали розметные книги, назначалась особая комиссия из «лутчих людей да целовальника одного или двух, посмотря по делу», для определения права истца на иск. После формирования комиссии начиналась процедура обыска. Уличенные по розметным книгам посадские и по обыскному списку жители волостей должны были заплатить судебные пошлины, штраф в пользу Государя, затем брались на поруки и направлялись в Москву для определения им уголовного наказания.

Помимо этого, в качестве одного из видов недопустимого поведения истца Судебник 1550 г. определял подачу жалобы истцом без повода и основания, то есть когда последний «бил челом не по делу», приносил жалобу на судей, отказавших ему в иске ввиду его незаконности (ст. 7). Считалась недопустимой и повторная подача жалобы, устанавливалось, что в случае, если «жалобщик учнет ... докучати государю» (настаивать на принятии жалобы на судей), то он подлежал тюремному заключению (ст. 7).

О неосновательных исках и жалобах говорилось и в Соборном Уложении 1649 г. [4]: «за ябеду, а также неосновательную челобитную ябедники после обыска и исследования истины подвергались наказанию и высылались из

городов и посадов» [1, с. 71]. Отдельно регулировался случай, когда подавалась необоснованная жалоба на решение судьи: «а будет такое дело челобитчик на судью затеет напрасно, и обвинен он по делу, а не по посулом, и того челобитчика за ложное его челобитье самого по тому же бити кнутом нещадно» (глава X Соборного Уложения «О суде» ст. 9).

Кроме того, в случае предъявления лицом излишних требований, стороне отказывали в удовлетворении иска, и она была обязана уплатить штраф: «а что он сверх того своего прямого иску в исковой своей челобитной припишет лишьку, и в том ему отказать. Да нем же с того приписного иску доправити государевы пошлины втрое, за то, ищи прямого, а лишнего не приписывай» (глава X Соборного Уложения «О суде» ст. 19).

Таким образом, в период существования Древнерусского государства (X-XVII века) процесс, в основном, был прерогативой частных лиц, которые независимо от характера нарушений самостоятельно определяли необходимость в защите своих интересов. Вместе с тем, волеизъявление лица должно было соответствовать определенным требованиям правомерности: иск не мог содержать ложные сведения, обвинения, а также быть направлен на причинение вреда противоположной стороне. Несоблюдение указанных требований считалось недопустимым, и истец обязан был понести определенные законодателем меры ответственности.

Распространившиеся в конце XVII-начале XVIII вв. в Европе идеи о свободе личности, правах, пределах их осуществления проникли в правовую доктрину России лишь в середине XIX века, что отразилось и при подготовке основных законопроектов судебной реформы: Уставов гражданского и уголовного судопроизводства (УГС и УУС) [5].

Господствующим в тот период времени считалось определение субъективного права как признанного или дарованного объективным правом конкретного господства частной, индивидуальной воли [6, с. 1]. Допускалось свободное осуществление субъективных прав в своей воле и интересе, однако

такой подход к использованию предоставленных правовых возможностей не являлся приоритетным во всех отраслях права.

В основе гражданского судопроизводства согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. находился принцип состязательности, под которым понималось «начало личной автономии тяжущихся в гражданском процессе. Оно вытекает из самого существа гражданских прав, к защите которых направлена деятельность судьи» [7, с. 404]. Взгляд на состязательное начало как на логическое продолжение гражданско-правовой диспозитивности привел к выводу, что свобода сторон имеет определяющее значение в отправлении правосудия. Общее правило о недопустимости злоупотребления процессуальными правами отсутствовало, упоминалось лишь об отдельных отрицательных последствиях в результате недобросовестного поведения сторон в процессе. Например, законодатель предусмотрел санкцию в виде денежного штрафа за неосновательный спор о подлоге (ст. 562 УГС), за неосновательные просьбы об отмене решений (ст. ст. 190, 800 УГС).

В судебной практике также отрицалась идея злоупотребления правом, в какой бы форме оно не выражалось [8, с. 7]. В то же время позиция Правительствующего Сената относительно вопроса об ответственности за пользование средствами судебной защиты не являлась единой. С одной стороны, в своих решениях Сенат указывал на свободу осуществления сторонами своих процессуальных прав и недопустимость взыскивать убытки с лица, обращающегося за судебной защитой, на том лишь основании, «что окончательным судебным решением его домогательство было признано неправильным и преждевременным» [9, с. 27]. В то же время в иных решениях Сенат обратил внимание, что «неправовое обращение к судебной защите, если обращающийся знает о своей неправоте или хотя и не знает, но мог и должен был бы знать о ней, составляет недозволенное деяние» [10, с. 359]. Однако данные прецеденты касались лишь частного вопроса – неосновательного

обращения в суд, и в целом проблему процессуальных злоупотреблений не затрагивали.

В доктрине к разновидностям злоупотребления правом относили: 1) предъявление заведомо неосновательного иска, если стороне известно, что у ответчика отсутствуют доказательства, опровергающие их требования (например, в случае утери расписки, смерти единственного свидетеля, которому были известны обстоятельства дела и т.д.); 2) обжалование судебных решений, осознавая их правильность; 3) заявление ходатайств с единственной целью затянуть процесс (например, о вызове свидетелей, которые в действительности ничего по делу не знают или их вовсе нет); 4) сообщение суду ложных фактических сведений и представление фальшивых доказательств (поддельные документы, подкупленные свидетели и прочее); 5) требование предъявить доказательства об известном заявителю факте [11, с. 4].

Таким образом, предпосылкой появления злоупотребительного поведения в гражданском процессе стали утвердившееся начало диспозитивности, широкие пределы усмотрения сторон в распоряжении предоставленными правами. В соответствии с законодательством противоправными считались только некоторые формы реализации процессуальных прав, нормативное понятие злоупотребления правом отсутствовало. Между тем, анализ литературы позволяет сделать вывод, что в доктрине признавалось существование такого правового явления как злоупотребление правом, под которым понималось гражданско-процессуальное правонарушение, недобросовестное поведение участников по реализации своего процессуального права на защиту, причиняющее вред правам и законным интересам противоположной стороны и правосудия в целом.

Список литературы:

1. Михайлов М.М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до уложения 1649 года. СПб.: Тип. К. Крайя, 1848. 134 с.

2. Куницын А.П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб. Тип. 2 Отд. собств. е. и. вел. канцелярии, 1843. 161 с.
3. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид.лит, 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. 432 с.
4. Соборное уложение 1649 года: текст, коммент. / Г. В. Абрамович [и др.]. Л.: Наука, 1987. 448 с.
5. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. СПб., 1866. 555 с.
6. Grimm Д.Д. Юридическое отношение и субъективное право. СПб. Тип. Правительствующего сената, 1897. 25 с.
7. Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. Т. 1: Общая теория права. Обычное право. Гражданское право. Торговое право. Гражданский процесс. 545 с.
8. Доманжо В. Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Учен. зап. Император. Казан. ун-та. 1913. Кн. 5. С. 1-16.
9. Тютрюмов И. М. Устав гражданского судопроизводства (Свод зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1914 г.): С законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов : в 2 т. Петроград: Кн. маг. «Законоведение», 1916. Т. 1. 1368 с.
10. Моносзон С. Ответственность за пользование средствами судебной защиты в практике Правительствующего Сената // Вестник права и нотариата. 1913. № 12. С. 359-362.
11. Гедда А.Н. Недобросовестность сторон в гражданском процессе // Журнал Министерства Юстиции. 1910. № 1. С. 1-28.